

ДАМЫ ЛОНДОНСКОГО ТУМАНА

(четыре масти греха)

МНИРА ЦАРЦЕЛЛО

18+

Мнира Царцелло

Дамы лондонского тумана.

Четыре масти греха

<https://litres.ru/74037076>

SelfPub; 2026

Аннотация

Викторианский Лондон искусно прячет свои самые грязные пороки за безупречными фасадами особняков, чопорными приличиями и вечным серым смогом.

Молодой аристократ Артур, циничный и пресыщенный денди, привык играть чужими чувствами, не задумываясь о последствиях. Его жизнь кажется безупречной чередой удовольствий, пока в его руки не попадает безымянная посылка со старинной игровой колодой и загадочной запиской.

Когда туман сгущается, а силы тают, эгоистичному денди приходится осознать, что он втянут в смертельную игру, где ставкой станет его собственная душа.

Одна ночь, одна случайная карта – и спальня Артура превращается в обитель неземного, дурманящего блаженства. Четыре прекрасные Дамы, сошедшие с картонки, знают его самые потаенные, запретные желания лучше, чем он сам. Но идеальный ночной гарем быстро превращается в изощренную ментальную ловушку.

Что происходит дальше... загляните в роман

Содержание

Часть 1. Роскошный капкан	5
Часть 2. Сладкое рабство и путаница улик	19
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Дамы лондонского тумана.

Четыре масти греха

Часть 1. Роскошный капкан

Шелк ее платья, цвета переспелой сливы, казался черным в неверном пламени каминных углей. Эмили плакала тихо, без бьющейся в истерику драмы, и от этого ее слезы казались Артуру еще более утомительными. Артур ловил себя на том, что слушает Эмили не как человека, а как повтор уже известной сцены – и это ощущение раздражало его больше, чем ее слезы. Она сидела на краю кушетки, судорожно сжимая в пальцах кружевной платок, и смотрела на него снизу вверх с той глупой, отчаянной надеждой, которую он видел на лицах женщин слишком часто.

– Вы обещали, Артур... – ее голос сорвался на шепот. – В прошлый вторник, в саду у леди Джерси, вы говорили, что этот сезон изменит все. Мой отец готов принять вас, он лишь ждет вашего визита к адвокатам.

Артур стоял у трюмо, неторопливо поправляя узел своего шейного платка. Он почти машинально хотел прервать ее на середине фразы, но удержался – не из вежливости, а из ленивого любопытства, насколько предсказуемо она дойдет до конца. Его движения были безупречно точными, паль-

цы не дрожали. Он взглянул на ее отражение в старинном амальгамном зеркале – покрасневшие глаза, припухшие губы, растрепавшийся локон у бледного виска. Неделью назад эта хрупкость казалась ему милой, сегодня она вызывала лишь глухое раздражение.

– В прошлый вторник, дорогая Эмили, ночь была слишком теплой, а шампанское в садах леди Джерси – слишком крепким, – его голос прозвучал мягко, почти ласково, но в нем чувствовался холод могильной плиты. – Джентльмен в подобных обстоятельствах склонен говорить поэтическими метафорами, но путать их с брачными обязательствами – непростительная ошибка для взрослой девицы. Собственный голос звучал заученно – и это вызвало в нем короткое, почти физическое отвращение.

Она задохнулась от возмущения, ее бледные щеки вспыхнули лихорадочным румянцем. Она резко поднялась, шурша тяжелыми юбками, сделала шаг к нему, словно собиралась ударить, но замерла, натолкнувшись на его равнодушный, пустой взгляд. В этом взгляде не было злости, только бесконечная, удушающая скука.

– Вы чудовище, Артур, – прошептала она, и платок выпал из ее ослабевших рук. – Вы забрали мою репутацию, вы разрушили мою жизнь ради... ради чего? Неужели вам было мало того, что случилось с бедной Констанс?

– Имя Констанс звучит из ваших уст излишне театрально, – Артур спокойно взял со столика свои перчатки из тончай-

шей лайковой кожи и безукоризненный цилиндр. — Наша маленькая интрига принесла нам обоим немало приятных минут, Эмили. Давайте оставим ее в памяти как изящный пустяк. Мой лакей ждет внизу с наемным экипажем, он доставит вас домой до того, как ваш почтенный батюшка заметит ваше отсутствие. Доброй ночи.

Он слегка поклонился, коснувшись пальцами полей шляпы, и вышел, даже не обернувшись на тихий, задуманный всхлип за спиной. Закрывая за собой тяжелую дубовую дверь ее тайного убежища, он почувствовал, как на него снова наваливается привычная тяжесть. Сцена была сыграна. Актеры разошлись. На губах остался лишь сухой, безвкусный пепел.

Через полчаса его карета уже пробивалась сквозь жирный, маслянистый лондонский смог, который напал на стекла Сент-Джеймса, превращая газовые фонари в размытые, сочащиеся желтизной нарывы. Внутри закрытого клуба «Уайтс» пахло куда изысканнее — дорогой телячьей кожей, изрезанной джентльменскими шпорами, крепким гаванским листом и едва уловимым, но едким ароматом проигранных состояний.

Артур стоял у окна, медленно вращая в пальцах тяжелый хрустальный бокал, наблюдая, как на дне лениво перекачивается густой янтарный бренди. В свои двадцать восемь лет он обладал той самой пугающе безупречной внешностью, которая в приличном обществе считалась благословением, а в

неприличном – самым надежным оружием. Острые, словно выточенные из холодного мрамора скулы, безукоризненный узел шелкового платка и взгляд – темный, глубокий, начисто лишенный малейшего намека на юношескую восторженность. В этих глазах застыла ледяная, неизлечимая скука человека, который слишком рано узнал цену всему на свете. И эта цена его ни разу не впечатлила.

Буквально полчаса назад в соседней карточной гостиной было шумно. Молодой виконт коротал вечер, надеясь отыграть фамильные долги, но вместо этого встретил за столом Артура. Артур помнил каждую секунду этой короткой, безжалостной партии: лихорадочный, чахоточный румянец на щеках мальчишки, капли пота, портившие его напудренный лоб, и то, как крупно дрожали его пальцы, открывающие последнюю, роковую карту. Сам Артур при этом не почувствовал вообще ничего. Ни азарта от выигрыша, ни триумфа, ни даже банальной человеческой жалости, когда виконт, побелев как полотно, сполз по креслу и судорожно схватился за воротник, беззвучно глотая ржавый воздух.

Этот удушливый, хриплый звук внезапно, словно укол острой иглы, пробудил в памяти Артура то, что он похоронил почти три года назад. На мгновение перед глазами вместо роскошной зеленой лампы клуба возникли склизкие доски причала неподалеку от Кэтрин-докс. Черная речная вода, мазутные разводы и тонкая, продрогшая до костей фигурка в полинялом капоре. Она точно так же ловила ртом

воздух, когда его лакеи выставляли ее вещи на разбитую мостовую, а сам Артур, не снимая перчаток, задергивал шторку кареты. Он даже не помнил толком ее лица – лишь грязную кайму на подоле ее дешевого платья и этот хриплый, ломающийся звук в груди. Смешно. Мало ли нищенок задыхается в туманах Ист-Энда от чахотки и голода. Он даже не помнил ее имени, как не помнил лиц сотен других, которые промелькнули в его жизни мимолетной тенью, оставив после себя лишь пятно. Артур поморщился, прогоняя наваждение, и сделал глоток бренди.

Чужие драмы казались Артуру скверно отрепетированными театральными пьесами, где все реплики и слезы известны наперед. Ему отчаянно не хватало настоящей искры. Той самой опасности, которая заставила бы кровь не лениво течь по венам, а по-настоящему гореть. Весь его мир состоял из невыносимо пресных вещей. Светские рауты, где заботливые матроны подсовывали ему своих невинных дочерей, сменялись душными ночами в закрытых будуарах, где почтенные замужние дамы сбрасывали шелковые корсеты с одинаковым, давно заученным вздохом. Он изучил анатомию женской страсти до малейшего нервного узла. Он точно знал, под каким углом нужно коснуться бледной шеи, чтобы услышать нужный стон, и какая доза циничного шепота на ухо заставит самую добродетельную графиню забыть о стыде и морали. Плотские утехы превратились для него в механическую работу, в изысканный, но мертвый ритуал, где он все-

гда оставался лишь холодным зрителем собственного порока. Ему хотелось, чтобы кто-то наконец пробил эту броню абсолютного контроля. Это была не любовь, а сухая механика, набор условных рефлексов. Он всегда оставался лишь холодным зрителем собственного порока и жаждал игры на грани фола.

Отойдя от окна, Артур опустился в глубокое кожаное кресло под мягкий свет зеленой лампы. На дубовом столе, рядом с хрустальным графином, покоился странный предмет, доставленный посыльным в его особняк и перевезенный сюда личным слугой. Шорох плотной черной бумаги под пальцами показался Артуру избыточно громким в притихшей карточной гостиной. Вошенная обертка неохотно поддалась, обнажив тяжелый футляр из мореного дуба, покрытый едва заметной паутиной мелких трещин. Из-под крышки пробивался едва заметный, дурмящий аромат. Это не был парфюм. Скорее, запах старого, истолченный в пыль пергамента, смешанный со сладковатым шлейфом увядающих ночных цветов – так пахнет в склепах старых лондонских кладбищ, куда веками не проникало солнце.

Артур откинул крышку. Внутри, на подушке из потрепанного черного бархата, покоилась плотная колода карт. Их рубашка была необычной: глубокий, почти проваливающийся в темноту сине-черный цвет, испещренный тонкими золотыми нитями, которые складывались в замысловатый, гипнотизирующий узор. Карта легла в руку с тяжелым, неестествен-

ным холодком, словно Артур коснулся куска речного льда, вытащенного из Темзы январским утром. В этот момент где-то в груди, под безупречным суконным жилетом, впервые за долгие месяцы сладостно и тревожно екнуло.

Он медленно перевернул колоду, позволяя глянцевым прямоугольникам соскальзывать с большого пальца. Мелькнули бледные лица королей, вычурные одежды валетов, но где-то в середине колоды пальцы инстинктивно замерли. Из пестрого ряда мастей на него пренебрежительно взглянуло лицо без малейших признаков цвета. На долю секунды Артуру показалось, что из темноты картона на него смотрят его собственные глаза. Тот же хищный прищур, та же резкая линия скул и ледяная, выпивающая душу скука. Отражение на глянцевой бумаге ухмылялось – тонко, зло, с явным превосходством.

Артур резко зажмурился, встряхнул головой и сделал глубокий вдох. Когда он снова открыл глаза, перед ним была лишь обычная шутовская фигура в колпаке – классический Джокер, лениво опирающийся на золоченый костыль.

– Слишком много бренди и слез Эмили на один вечер, – тихо пробормотал он себе под нос, откладывая колоду обратно в футляр. На губах остался неприятный, металлический привкус.

В этот момент рядом бесшумно возник лакей клуба, обходящий зал с серебряным подносом.

– Желаете обновить бренди, сэр Артур? Или, быть может,

подать свежих гаванских сигар? – голос слуги был подобострастным и пустым.

Артур поднял взгляд, на мгновение задержавшись на равнодушном лице лакея, словно проверяя, реально ли то, что он видит.

– Нет, Томас. Оставь меня. И убедись, что в коридоре не будет лишнего шума. Мне нужно привести в порядок бумаги, – он бросил на стол золотой соверен, даже не глядя на монету.

– Слушаюсь, сэр.

Лакей удалился, и Артур позволил себе несколько минут просто сидеть, глядя в пустоту. Он налил себе еще бренди, чувствуя, как обжигающая жидкость привычно согревает горло, прогоняя остатки оцепенения. В клубе было тихо, лишь где-то в глубине залов слышался приглушенный смех и позвякивание хрусталя. Обычный вечер в Уайтсе. Никаких теней. Никаких говорящих карт. Он достал из кармана жилета часы, открыл крышку, сверяясь с временем: еще не поздно, чтобы заглянуть к графине. Вполне возможно, что сегодняшний вечер еще можно спасти от скуки.

Успокоив себя этими обыденными мыслями, Артур поднялся. Он чувствовал себя уверенно, почти как обычно. Решив освежиться перед выходом, он направился в туалетную комнату. Здешний полумрак, разбавляемый лишь парой газовых рожков, всегда действовал на него успокаивающе. Он подошел к массивному мраморному умывальнику, повернул

кран и плеснул в лицо пригоршню ледяной воды. Дрожь пробежала по спине, смывая остатки липкого наваждения. Артур потянулся за накрахмаленным полотенцем и привычным, ленивым жестом повернул голову к висящему над раковиной старинному зеркалу в тяжелой бронзовой раме.

И вот тут его пальцы застыли, так и не коснувшись ткани.

Его физическое тело уже повернулось, но в глубине тусклой амальгамы его зеркальный двойник на краткое, едва уловимое мгновение опоздал. Отражение Артура словно застряло в предыдущей секунде, продолжая смотреть прямо перед собой застывшим, мертвым взглядом, и лишь затем, с противоестественной, вязкой задержкой, плавно повернуло голову вслед за оригиналом.

В полумраке клуба «Уайтс» воцарилась абсолютная, звенящая тишина, нарушаемая лишь мерным, тяжелым стуком капель, падающих из крана на белый мрамор.

Этот липкий, противоестественный страх, сковавший Артура у мраморного умывальника, требовал немедленного действия. Он не стал вытирать лицо, просто швырнул нетронутое полотенце на мраморную столешницу и быстрыми, несвойственными ему, размашистыми шагами покинул туалетную комнату. Наваждение нужно было сжечь движением, холодом ночного воздуха и привычным стуком копыт лошади, и перестуком колес кареты по лондонской мостовой. Мысль о визите к графине растаяла сама собой – сейчас Артур меньше всего хотел смотреть на женские слезы или слу-

шать заученные вздохи. Ему нужно было вернуться в свой особняк, в безопасную, предсказуемую тишину собственного кабинета.

Уже через десять минут его дорогая карета мчалась по перегруженным в туман улицам Вест-Энда. За окном проплывали размытые силуэты газовых фонарей и редкие, припозднившиеся прохожие, похожие на безмолвных призраков.

Артур сидел на кожаном сиденье, сжимая в руке трость с набалдашником из слоновой кости, и чувствовал, как внутри него растет странное, лихорадочное нетерпение. Футляр из мореного дуба, который он велел лакею забрать из клуба и положить в карету, лежал на соседнем сиденье, распространяя едва уловимый, кладбищенский запах увядающих цветов. Этот предмет пугал и одновременно притягивал его с невиданной силой.

Особняк встретил его привычной, безупречной роскошью и мертвой тишиной. Отпустив сонного дворецкого, Артур поднялся на второй этаж и заперся в кабинете. Здесь, среди тяжелых портьер, книжных шкафов из темного дерева и мерцающих углей камина, мир снова обретал свои четкие, осязаемые границы. Артур подошел к массивному письменному столу, решительным жестом поставил дубовый футляр на сукно и зажег тяжелую бронзовую лампу. Зеленоватый абажур отбросил плотную тень на углы комнаты, погрузив остальное пространство во мрак.

Он не стал наливать бренди – алкоголь больше не спасал

от холода внутри. Артур сел в кресло, глядя на коробку из мореного дуба. На губах все еще оставался тот самый сухой, безвкусный пепел, который неизменно появлялся после любого человеческого контакта, будь то слезы обманутой девицы или хрип разорившегося мальчишки. Вся его жизнь была наполнена вещами, которые имели форму, цену и безупречный фасад, но полностью утратили вкус.

Пальцы коснулись прохладного дерева, крышка откинута с легким щелчком, и колода карт снова оказалась в его руках. В тепле кабинета золотые нити на сине-черной рубашке казались почти подвижными, словно они медленно переплетались друг с другом. Артур перевернул колоду – сверху лежала дама пик с надменным и мертвым лицом.

Что именно следовало делать с этой колодой, он не знал. Внутри футляра не было ни записок, ни напутствий, ни имени отправителя. Но сама нелепость и скрытая угроза происходящего внезапно показались ему привлекательными. Впервые за долгие годы рядом возникло нечто, чего он не мог объяснить, просчитать или подчинить своей воле.

Ему не нужны были деньги, не нужна была власть. Ему нужно было то, что могло бы пробить эту броню, сжечь пепел на губах и заставить сердце биться по-настоящему. Избалованный, пресыщенный ум Артура воспринял мистический подарок как вызов. Если это чья-то глупая шутка – он найдет шутника и заставит пожалеть об этом. Если же за этим скрывается нечто иное... что ж, тем лучше. Впервые за долгие годы ему стало по-настоящему любопытно, чем все это закончится.

Артур положил колоду на стол, медленно и тщательно перетасовал ее, наслаждаясь сухим, шелестящим звуком глянцевого картона, а затем веером разложил карты на зеленом сукне. От пестрого ряда мастей веяло странным, почти осязаемым призывом.

– Дама червей, – тихо произнес он в пустоту кабинета, сам не понимая, зачем говорит вслух. – Приведи ко мне ту, что разорвет эту скуку.

Подчинившись внезапному импульсу, он коснулся края одной из карт и резко перевернул ее.

На сукно легла Дама червей.

Артур нахмурился. Карта не походила на изображения из привычных колод. На бледном лице нарисованной женщины застыла странная, едва заметная полуулыбка, а вместо традиционного цветка она держала тонкий кинжал, с кончика которого стекала багряная капля.

В ту же секунду за окнами кабинета, пробивая плотный лондонский смог, оглушительно и яростно ударил первый раскат весенней грозы, и пламя в камине на мгновение вспыхнуло ядовито-зеленым огнем. Артур замер, не сводя глаз с карты, чувствуя, как в его венах, впервые за долгие годы, начинает разгораться настоящий, обжигающий пожар.

Игра началась.

Часть 2. Сладкое рабство и путаница улик

Артур проснулся оттого, что ему не хватало воздуха. Комната была залита бледным, зеленовато-серым светом лондонского рассвета, но в легких все еще стоял душный, приторный аромат ночных цветов – тот самый запах, который источал деревянный футляр. Сердце колотилось в ребра с такой яростной, забытой силой, что в ушах стоял тяжелый гул.

Он резко сел на постели, тяжело дыша и озираясь вокруг. Постель была безумно, хаотично смята, словно на ней происходила нешуточная борьба или нечто куда более неистовое. Несколько секунд Артур просто смотрел на свои руки – пальцы мелко дрожали, а кожа до сих пор помнила обжигающее, почти болезненное прикосновение чужого тела.

Это не могло быть сном. Сновидения Артура всегда были такими же блеклыми и плоскими, как и его будни, в них никогда не было этой невыносимой, выкручивающей суставы осязаемости. Он помнил все до мельчайшего мгновения: как шелк портьер глушил тихие, яростные вздохи, как тонкие пальцы с силой впились в его плечи, оставляя невидимые клейма, и как эта ночная гостья заставляла его, всегдашнего кукловода и циника, задыхаться от беспомощности и молить о продолжении. Это было чистейшее, концентрирован-

ное блаженство, смешанное с липким ужасом абсолютного подчинения. Он впервые в жизни не контролировал ничего – и это было прекраснее всего, что он знал до сих пор.

Он резко откинул тяжелое одеяло и ступил босыми ногами на холодный паркет. Кабинет находился за стеной, дверь туда была приоткрыта. Артур, даже не накинув халат, прошел внутрь. На письменном столе в утренних сумерках мерцал веер разложенных карт, а в самом центре, вызываясь особняком, лежала Дама червей. Пламя в камине давно погасло, оставив лишь серую горстку пепла, но комната все еще хранила тепло чужого присутствия.

Артур вернулся в спальню и подошел к изголовью кровати. Рядом с его подушкой, на белоснежном накрахмаленном льне, отчетливо виднелась глубокая, круглая вмятина. Наклонившись, он ощутил, что ткань в этом месте все еще сохранила едва уловимое, остывающее тепло.

Он протянул руку и коснулся примятого льна. Пальцы наткнулись на что-то постороннее. Артур поднял находку к глазам – на ладони лежала длинная, шелковистая нить, отливающая в утренних лучах глубоким, почти черным цветом перспелой сливы.

Артур замер, чувствуя, как внутри все покрывается ледяной коркой. Этот оттенок был слишком знаком. Точно такой же шелк обтягивал фигуру Эмили всего несколько часов назад, когда она плакала на его кушетке. Неужели эта девица, обезумев от горя и позора, сумела пробраться в его дом ми-

мо бдительного швейцара, чтобы сыграть с ним в эту жестокую игру? Это казалось безумием, невозможным бредом – благовоспитанная мисс не способна на такую изощренную, хищную страсть.

Артур бросился назад в кабинет и схватил карту. В холодном свете дня рисунок на Даме червей казался еще более отчетливым. Он вгляделся в бледное, нарисованное лицо, пытаясь поймать ускользающее сходство. Тонкий излом бровей, капризная линия припухших губ – да, в этом определенно было что-то от Эмили. От той Эмили, которую он растоптал вчера вечером.

Но чем дольше он смотрел на глянцевый картон, тем сильнее менялось его восприятие. Из-под нарисованной полуулыбки вдруг проступило иное выражение – холодное, торжествующее, пугающе знакомое. Этот хищный разрез глаз и надменная посадка головы принадлежали не Эмили. Это была Констанс. Та самая Констанс, чье имя вчера сорвалось с губ его несчастной любовницы. Женщина, которая исчезла из его жизни три года назад, оставив после себя лишь неприятный шлейф слухов и испорченный светский сезон.

Лицо на карте неуловимо менялось, представляя собой чудовищный, сводящий с ума гибрид двух его жертв. Живая и мертвая словно слились воедино, чтобы явиться к нему в эту ночь. Неопределенность происходящего давила на разум, выжигая остатки хваленого хладнокровия.

Он стоял посреди залитого серым рассветом кабинета, сжимая в руке проклятую карту, и с ужасом понимал, что думает уже не о том, кто приходил к нему ночью. Он думал лишь о том, вернется ли она снова.

След на подушке пугал его.

Мысль о том, что следующей ночью этого следа может не оказаться, пугала гораздо сильнее.

Дни превратились в пресную, тоскливую прелюдию, которую Артур вынужден был терпеть ради наступления темноты. Каждая последующая ночь становилась полем для его лихорадочных, циничных экспериментов. Потеряв остатки хваленной осторожности, он входил в темный кабинет, ведомый лишь одной всепоглощающей страстью – узнать, какую грань его собственного порока откроет следующая карта.

Он перевернул Даму бубен, и ночь принесла ему безумную, удушающую жажду обладания. В полумраке спальни его гостя пахла сухим вином, дорогими духами, золотом и животным, первобытным азартом. Утром, пробудившись в пустой постели, Артур обнаружил на прикроватном столике тяжелую золотую серьгу странной, старинной работы, которой вечером там совершенно точно не было. Дама трепф обернулась холодной, извращенной жестокостью, пробудившей в его душе те темные, садистские наклонности, которые он раньше тщательно прятал под маской безупречных светских манер. После этой ночи на его запястьях остались

глубокие, воспаленные следы чужих ногтей, хотя он, как ни пытался, не мог вспомнить, кто именно и в какой момент их оставил. Дама пик, явившаяся последней, принесла с собой ледяной, могильный ужас и изысканные ласки, которые больше походили на искусную пытку, а на рассвете Артур нашел на измятой простыне тонкую, пахнущую сыростью полосу кладбищенской земли.

Сначала, если за подобные ночи приходилось платить усталостью, цена казалась ему смехотворной. Избалованный, пресыщенный ум Артура был готов отдать излишек жизненных сил за право снова чувствовать вкус жизни. Однако к концу второй недели стало очевидно: каждая ночь что-то отнимала у него, и отнятое уже не возвращалось.

Он таял на глазах, словно восковая свеча. Каждое утро давалось ему все тяжелее, его некогда безупречные аристократические скулы заострились еще сильнее, обтянутые мертвенно-бледной кожей, а под глазами залегли глубокие, синеватые тени. Руки, всегда отличавшиеся точностью движений, теперь заметно дрожали, когда он пытался налить себе утренний кофе.

При этом черты нарисованных дам на глянцевом картоне продолжали свою пугающую метаморфозу. Лица менялись, перетекали друг в друга, лишая его остатков покоя. В лице бубновой дамы ему мерещился надменный прищур Констанс, а пиковая дама смотрела на него глазами той безымянной нищенки из Кэтрин-докс. Но чем чаще менялись лица на картах, тем чаще они возвращались к одному и тому же образу. Иногда это длилось лишь секунду, иногда – несколько минут, но каждый раз сквозь пестроту мастей и чужих черт он отчетливо видел темные, полные отчаяния глаза Эмили.

В его истощенном, параноидальном разуме мысли сошлись в одной. Самой очевидной виновницей могла быть только она. Именно после ее слез в его руках оказалась первая карта, запустившая этот кошмар. Она знала о Констанс, она жаждала мести за свою растоптанную репутацию и вполне могла прибегнуть к какому-нибудь оккультному безумию трущоб, чтобы наказать его.

Артур отбросил карты в сторону. В его темных глазах теперь горел опасный, лихорадочный огонь зависимости и злости. Меланхолический эгоист уступил место раненому хищнику. Ему нужно было увидеть Эмили снова и добиться правды теми средствами, которые всегда приносили ему успех. Охота началась, и на этот раз ставкой в игре была его собственная жизнь.

Каждый шаг за пределами собственного особняка теперь

давался Артуру с таким трудом, словно лондонский воздух внезапно сгустился, превратившись в жидкий, едва поддающийся вдоху свинец. Некогда легкая, небрежная походка светского льва, которой так завидовали в клубах Сент-Джеймса, стала тяжелой, обманчиво замедленной. Ему приходилось прилагать осознанное, почти мучительное усилие воли просто для того, чтобы держать спину безупречно прямой и не позволять коленям подламываться под тяжестью собственного веса.

Внутри закрытой кареты, где плотные шелковые шторы были наглухо задернуты от безжалостного, режущего глаза дневного света, Артур часами сидел неподвижно, баюкая на коленях трость с тяжелым набалдашником из слоновой кости. Его пальцы в неизменных лайковых перчатках мелко, непрерывно дрожали, а к горлу то и дело подступала удушливая, сухая тошнота – верный признак того, что лихорадка угасания подтачивает его изнутри. Ему казалось, что под безупречным, сшитым на заказ суконным сюртуком его тело медленно, но необратимо превращается в ту самую сухую труху, которой пахло из дубового футляра. Но эта слабость, эта подступающая смерть странным образом не останавливали его. Напротив, они разжигали внутри него опасный, неестественный азарт. Детективное расследование, которое он затеял, больше не напоминало изящную светскую забаву – теперь это был бег наперегонки со временем, где ставкой была его собственная жизнь.

Свою охоту он начал с Эмили, и первая же зацепка, обещавшая стать триумфом его безупречной логики, обернулась вязким, разочаровывающим тупиком. Артур задействовал самые дорогие и надежные рычаги: подкупленные слуги, частные осведомители со Стрэнда и доверенные клерки по минутно восстановили каждый шаг мисс Эмили за последние две недели.

Результат обескураживал своей окончательностью – у девицы было неопровержимое, безупречное алиби, которое невозможно было опровергнуть. На следующее же утро после их скандального разрыва в Сент-Джеймсе разгневанный отец увёз её в глухое загородное поместье в Беркшире. Там, под бдительным, удушающим надзором трех престарелых тетюшек и целого причта благочестивых слуг, она безвыездно проводила дни, оплакивая свою растоптанную репутацию за бесконечным вышиванием и чтением вечерних проповедей. Она физически не могла нанять посыльного, не могла знать о существовании клуба «Уайтс» и уж тем более не могла пробраться в его охраняемый дом, чтобы оставить след на простынях. Эмили была надежно заперта в провинциальной клетке, но её темные глаза упрямо продолжали смотреть на него из карточного веера каждую полночь.

Пытаясь найти хоть какой-то изъян в этой безупречной картине, Артур тайно подкупил личную горничную Эмили, которая за несколько суверенов согласилась привезти ему коробку с вещами, в спешке оставленными хозяйкой в лон-

донском доме. И вот тут паранойя Артура получила первую, пугающую пищу. Среди кружевных платков, флаконов с лавандовой водой и невинных романов он обнаружил завернутую в шелковый платок старинную французскую книгу о картах судьбы, предсказаниях и духах-покровителях. Страницы были исчерканы торопливыми пометками, сделанными изящным почерком Эмили, а на полях одной из глав, посвященной карточному року, красовался карандашный набросок – женский силуэт с тонкими, едва намеченными чертами лица.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.